

О С М Ы С Л Я Я Т Е Р Р О Р И З М

А.С. БАРАНОВ

**Терроризм и гражданское мученичество
в европейской политической культуре
Нового и Новейшего времени****Террористическая кампания**

Каждое общество, которое становится объектом массированного террористического воздействия, тем или иным способом отвечает источнику устрашения. Характер этого ответа – осознанный или бессознательный, консолидированный или разобщенный, активный или пассивный – не просто иллюстрация отношения общества к чему-то внешнему, но неотъемлемая составная часть происходящих событий. Общество способно гасить активность источника устрашения, стимулировать, способствовать ее преобразованию в иное качество. Совокупность "посланий", адресуемых обществу источником устрашения, и тех "ответов", которые оно ему возвращает, есть *террористическая кампания* – интенсивное взаимодействие общества и террористов, диалог, обмен актами насилия, политическими действиями, идеологическими и эмоционально-образными аргументами.

Каждая террористическая кампания имеет свою *тему* – острую общественную проблему, которую источник устрашения пытается решить при помощи террора. При *восходящем* развитии террористической кампании (благоприятная для террористов общественная реакция на их действия, способствующая интенсификации террористических проявлений), как правило, происходит и качественное развитие *темы кампании*. Так, революционно-террористическая кампания 70–80-х гг. XIX в. в России начиналась под знаком борьбы за права политических заключенных (1878–1879), а в период ее кульминации (1880–1881) речь шла уже о стремлении источника устрашения ("Народной воли") к полномасштабному перевороту в политической и социально-экономической сферах жизни страны. Аналогичную картину развития темы кампании одновременно с интенсификацией террористических проявлений и расширением их аудитории мы видим в России и в начале XX в. Вторая революционно-террористическая кампания развивалась по восходящей: начальная фаза (1901–1903) – борьба студентов за либерализацию системы образования, кульминация (1904–1906) – стремление к радикальной политической реформе, фактически выражавшейся в изменении формы правления, и, наконец, продолжительная завершающая фаза (1907–1911) – спад террористической активности, падение общественной поддержки действий радикалов, в том числе и в связи с реализацией ряда требований, лежавших в основе темы кампании.

Террористическая кампания не только имеет свою тему, но и являет обществу *образ террориста*, формируемый источником устрашения с таким расчетом, чтобы его основные черты были адекватны теме кампании и в максимальной степени способствовали протеканию последней по сценарию террористов. "Борец за народное счастье, защитник обездоленных", "истинный патриот, сражающийся за национальную независимость", "воин во имя Аллаха/Иисуса, повергающий в прах темные силы зла" и т.д. стремились устрашать одни социальные, этнические, конфессиональные группы и даже целые народы и государства, опираясь на поддержку других сообществ в ходе множества террористических кампаний, протекавших и протекающих по всему миру.

Характер взаимодействия источника устрашения (террористической организации) и его объекта (терроризируемого общества) в значительной степени определяется спецификой эмоционально-образного переживания обществом *темы кампании*, а также степенью адекватности *образа террориста* психическому состоянию общества и его социокультурным традициям. При этом стабильно восходящее развитие террористических кампаний возможно лишь в случае *узнавания* социумом образа террориста, признания его соответствующим героическому пантеону, зафиксированному в национальной культуре.

Отсюда – огромное значение в ходе большинства террористических кампаний механизмов актуализации сюжетов, тем и образов национальных культур, которые могут быть использованы источниками устрашения с целью резкого усиления влияния устрашающего образа. Так, нападение на Кизляр отряда чеченского террориста С. Радиева (февраль 1996 г.) – не только акт террора по отношению к российскому обществу в целом, но и актуализация одного из авторитетных сюжетов военно-героической традиции народов Кавказа: похода на Кизляр первого имама Чечни и Дагестана Гази-Магомеда, послужившего в 1831 г. сигналом к началу газавата – наиболее острой фазы Кавказской войны. Апеллируя к местной традиции, Радиев обращался в поисках сочувствия прежде всего к кавказской аудитории, которой он и пытался подать "героический" пример своими действиями.

Для того чтобы обратиться к советскому народу с собственной интерпретацией ленинизма, другой террорист – капитан Саблин – в ноябре 1975 г. предпринял попытку захватить военный корабль. Цель – войти в устье Невы и, направив орудия на Зимний дворец, потребовать от правительства СССР предоставления ему (Саблину) прямого телеэфира. Фанатичный замполит разработал сценарий, представляющий собой квинтэссенцию сюжетов и образов российской военно-революционной и героико-террористической традиции: "Революционный Балтийский Флот", "Петроград – Колыбель Революции", "Залпы Корабельных Орудий – Начало Революции", "Зимний Дворец – Символ Тирании", "Для Народа, Но Без Народа" и т.п. В 90-е гг. XX в. новейшая актуализация сербскими националистами темы героического эпоса "о битве на поле Косове" явилась значимым фактором террористической кампании между сербами и косовскими албанцами.

В равной степени и ответы устрашаемого общества эмоционально усиливаются благодаря их оформлению в символические акты, как правило, демонстрирующие консолидацию социума перед общей угрозой. Некоторые ответы могут обретать ритуальный характер и способны на протяжении многих веков хранить память о террористическом событии отдаленного прошлого. Пример такого рода "антитеррористических ритуалов" – ежегодные сожжения в Англии чучела Г. Фокса, организовавшего в начале XVII в. знаменитый "пороховой заговор".

В тех случаях, когда смысл террористического акта непонятен обществу, а тема кампании и образ террориста не поддаются однозначному истолкованию, эмоционально-образный ответ социума может принимать неожиданную форму. Именно такого рода общественная реакция сопутствовала первому в истории России акту революционного террора – покушению Д. Каракозова на Александра II (апрель 1866 г.). Уже первый вопрос, заданный уцелевшим императором схваченному злоумышленнику, был закономерен и логичен для середины 1860-х гг.: "Ты поляк?". Более того,

как только по стране стали распространяться известия о покушении, первой реакцией на них явились патриотические манифестации, незамедлительно принимавшие антипольский характер. Демонстрации эти не были официально подготовлены – власти довольно быстро разобрались в мотивах Каракозова, не имевших прямого отношения к польскому вопросу. Но общество ожидало удара именно от поляков, и этот ответ был воплощен в соответствующих сюжетах и образах национальной культуры.

Показательные проявления патриотизма состоялись в столичных театрах, где оперные спектакли заменялись оперой М. Глинки "Жизнь за царя". Один из современников вспоминает: «После первого акта народный гимн пропет был четыре раза подряд, второй акт не состоялся совсем – публика не хотела видеть польских танцев и вместо них потребовала снова народный гимн, который был пропет раза три. В третьем акте поляки приходят к Сусанину, на их угрозы он отвечает неустрашимым и энергичным: "Лягу за царя, за Русь!". Слова эти зажигают восторг в зрителях, действие на сцене прерывается. Артист Родонежский, исполнявший роль Сусанина, три раза кряду повторяет эту фразу, сцена наполняется хористами и снова гремит на сцене народный гимн, снова непрерывные крики восторга и громкие рукоплескания в зале...» (цит. по [Толмачев, 1998, с. 203–204]). Патриотическая консолидация общества вокруг трона сопровождалась восторженным чувством "спасителя державной жизни" – О. Комиссарова, костромского крестьянина, который, по официальной легенде, толкнул руку террориста в момент выстрела, чем и спас императора.

Даже в высших эшелонах власти империи присутствовали настроения, свидетельствовавшие о том, что общественная реакция, несмотря на свой верноподданнический характер, не вполне укладывается в желательные рамки. "Все у нас теперь как будто в чадy", – писал в дневнике министр внутренних дел В. Валуев через месяц после покушения, и далее с видимым неприятием: "Не следует слишком превозносить человека, которому монарх обязан чем бы то ни было, даже жизнью, если этот человек не отдал своей жизни за монарха" [Валуев, 1961, с. 117]. Но общество, вопреки мнению министра, *видело* в Комиссарове новое воплощение одного из наиболее почитаемых персонажей национальной культуры, героя, *отдавшего* в начале XVII в. жизнь за монарха.

Подобного рода несовпадение замысла террориста и общественной реакции на его "послание" более не повторится. В результате интенсивного развития российской революционно-террористической кампании на рубеже 70–80-х гг. XIX в. первоначальная патриотическая консолидация вокруг трона сменится растерянностью, а затем и все более возрастающим сочувствием общества "жертвенному подвигу" террористов.

Независимо от конкретных политических итогов террористической кампании, ее наиболее существенным результатом является укоренение или глубинная трансформация в общественном сознании той или иной традиции террористической рефлексии, как отрицательной, так и положительной. "Народной воле" не удалось ни на йоту приблизить Россию к свержению самодержавия и к построению крестьянского социализма, но в результате ее деятельности укоренилась положительная традиция отношения к революционно-террористическому насилию, сформировался героический пантеон, принятый значительной частью российского общества и пригодный для быстрой и эффективной актуализации.

Героико-террористический пантеон может "работать" прямолинейно, то есть использоваться в качестве непосредственного примера для подражания следующими поколениями террористов. Так, в России начала XX в. в радикальной среде одним из главных раздражителей "революционной совести" молодых радикалов было их стремление соответствовать величию подвига предшественников. "Два долгих десятилетия легли на нас гранитной плитой. Ни одной смелой мысли, ни одного отважного дела. Жизнь проходила в тупой и угрюмой скуке – скуке повседневных мелочей, ничтожного риска, ничтожных побед, ничтожных поражений... скучные стены

тюрьмы сменяли вялую жизнь на свободе", – с горечью отмечал Б. Савинков в 1904 г. И далее: "Мертвому льву лучше, чем псу живому. Когда народ поднимается во имя свободы... он умрет или победит. Это известно всем со времен Равальяка. Неизвестно только нам, – внукам Пестелей и Рылеевых, сыновьям Желябовых и Квятковских... Какая ирония!" [Без адреса, 1904, с. 7–8].

Но воздействие героико-террористического пантеона может принимать и совершенно иные, "косвенные" формы. Писатель Е. Чириков вспоминал, как в 1883 г. он собирался поступать на естественный факультет Казанского университета, решив стать химиком, "как Кибальчич" (не социалистом, как Кибальчич, – химиком!), но в конце концов выбрал юридический, потому что "лавры защитников по процессу Веры Засулич... и по процессу 1 марта 1881 г. уже не давали мне покоя с гимназической скамейки" [Чириков, 1993, с. 302]. Значительное количество людей с подобного рода мотивацией при выборе жизненного пути, даже при выборе между двумя сугубо мирными профессиями – тревожный симптом становления положительной традиции террористической рефлексии общества. При глубоком укоренении в общественной психике положительной традиции отношения к террору (показательный пример – современная Палестина) можно наблюдать как "прямую", так и "косвенную работу" героико-террористического пантеона.

Массированные террористические кампании никогда не проходят бесследно для общественного сознания, они становятся своего рода эталонными фактами национальной памяти. Для Франции – это террор Великой революции конца XVIII в. – "девяносто третий год"; для России – революционный терроризм конца XIX – начала XX в., а также "Большой террор", сконцентрировавшийся в общественном сознании в "тридцать седьмом", террористическом, году; для еврейского народа – террористическая война на уничтожение, которую вел против него германский нацизм. Эти исторические события навсегда останутся в памяти. С ними каждая из названных культур в своей дальнейшей исторической судьбе будет сознательно или бессознательно сравнивать каждую новую террористическую кампанию.

Гражданское мученичество

В 1913 г. 32-летняя Э. Девидсон, член Женского социально-политического союза (участников которого обычно именовали суфражистками), на глазах у нескольких тысяч зрителей ипподрома в Тоттенхеме покончила с собой, бросившись под копыта лошадей. Она протестовала против дискриминации женщин в Великобритании, о чем поведала ее подруга, которая *специально* присутствовала при акте самопожертвования, чтобы впоследствии рассказать английскому обществу о высоких человеческих качествах погибшей, о последних мыслях и словах покойной. Не обладавший формальными властными полномочиями М. Ганди неоднократно использовал демонстративные мученические ситуации – знаменитые голодовки – для прекращения этнических распрей между индийцами и пакистанцами. В декабре 1994 г. известный правозащитник, в то время уполномоченный по правам человека Государственной думы С. Ковалев, исчерпав все возможные способы остановить начало Первой чеченской войны (1994–1996 гг.), прибыл в президентский дворец Д. Дудаева накануне его штурма и остался там, чтобы своей демонстративной мученической смертью повлиять на оценку российским обществом событий в Чечне.

Названные действия при всей существенной разнице в том, кто, когда и во имя чего их совершал, – концептуальные близнецы. Весь их смысл заключен в ярко выраженном стремлении общественных деятелей (в первом случае – участницы экстремистской организации, во втором – харизматического лидера национально-освободительного движения, в третьем – депутате парламента) к решению острых общественных проблем при помощи актов гражданского мученичества.

Если террористический акт основывается на мощном устрашающем воздействии на психику социума через организацию демонстративных актов насилия по отноше-

нию к последнему, то акт гражданского мученичества призван вызывать сочувствие общества к его исполнителю через демонстрацию *собственных* страданий, вызванных искусственно созданной мученической ситуацией. И акт террора, и акт гражданского мученичества являются демонстрацией насилия, но воплощаются в жизнь через актуализацию различных, зачастую противоположных образов национальной культуры. Голодовки Ганди могли достичь своей цели – приостановки этнического конфликта – лишь потому, что они реализовывались в рамках культуры, имеющей богатейшую аскетическую традицию, *способной узнать* актуализированный образ мученика. Бесчисленные актуализации образа шахида-смертника, используемые исламскими террористами в ходе современных террористических кампаний, возможны благодаря *узнаванию* их обществами, в культуре которых существует теория "священной войны" и героической смерти во имя Аллаха.

Английская революция XVII в. – крупнейшее событие в мировой истории, в котором можно четко зафиксировать один из наиболее ранних примеров кампании гражданского мученичества. Революция была мощным прорывом сил, которые прежде стремились к реформе церковной, в сферу изменений в государственном устройстве страны. Этой религиозно-политической революции предшествовала и сопутствовала необычайно напряженная интеллектуальная работа общества над переосмыслением священных христианских текстов. Английское общество получило возможность прочитать Библию на родном языке, толковать так, как это будет казаться верным народу Англии, задуматься над тем, какой подобает быть правильной церкви, то есть церкви, по мнению *народа Англии*, соответствующей евангельской традиции, и, наконец, перевести взгляд от организации церковной власти к организации власти государственной, чтобы соответствующим образом изменить и ее. Сторонники любого из крупных религиозных течений (англиканской церкви, пресвитерианской или радикального пуританизма) представляли себе идеальную государственную власть в соответствии с принципами идеальной власти церковной: абсолютная монархия, монархия, ограниченная сильным парламентом, республика.

Но еще одним важнейшим следствием активного нового прочтения Библии стала актуализация в ходе революционных событий ряда евангельских образов, подражание им в реальных политических ситуациях с целью одержания моральной победы над врагом. В ходе революции при переводе религиозного противостояния власти в политическую плоскость в пуританской среде произошел необычайно важный процесс *секуляризации церковного образа мученика* и рождения явления, наиболее удачным названием которого будет "гражданское мученичество" или "гражданская святость".

Первым мучеником на пороге Нового времени стал один из лидеров движения левеллеров (уравнителей) – правозащитного республиканского движения, тесно связанного с пуританизмом, Дж. Лильберн, "свободнорожденный Джон". Он был *профессиональным подсудимым и профессиональным автором памфлетов о своих страданиях*. Вся политическая карьера Лильберна реализовывалась через систематические и тщательно подготовленные провокации насилия со стороны государства в свой адрес с целью превращения каждого следующего суда над собой в грандиозную иллюстрацию несправедливости существовавшего общественного устройства и изменения настроения англичан в сторону осознания ими необходимости демократических преобразований. Каждый довод в пользу заключения общественного договора, упразднения палаты лордов и окончательного закрепления республиканской формы правления многократно усиливался, будучи произносимым со скамьи подсудимых человеком, преследуемым за убеждения, или содержащимся в памфлете, подробно описывавшем страдания "свободнорожденного Джона".

В его поведении можно усмотреть болезненные черты мазохиста. Но если человек с подобным складом психики мог жить в любой исторической эпохе, то только в эпоху разрушения традиционной власти, основанной на строгом иерархическом подчинении, и формирования власти новой, опирающейся на эмансипированное общественное мнение, он смог стать кем-то большим, чем просто вызывающим к спра-

ведливости страдальцем. Почти не покидая скамью подсудимых, Лильберн серьезно влиял на формирование общественного мнения и, ни на секунду не приближаясь к любой из государственных должностей, был одной из наиболее влиятельных политических фигур Англии рубежа 40–50-х гг. XVII в.

Оставаясь фанатично верующим человеком, Лильберн отличался от мучеников первых веков христианства не только тем, что играл роль мученика на сцене светской политики. Он вовсе не стремился умереть "на кресте" смертью мученика. Он осознанно и систематически пытался реализовать конкретную политическую программу посредством искусственно формируемого и постоянно поддерживаемого в обществе настроения возмущения несправедливостью и почти рефлекторной реакции *поклонения мученику*, основанному на *узнавании* одного из самых почитаемых образов национальной культуры.

Мученик, так же как и *террорист*, реализует себя через провокацию. Мученик должен быть абсолютно нестигаемым, но выглядеть *беззащитной жертвой* и принципиально строить свою деятельность на ненасилии. Он не имеет права на компромисс со своим врагом. Любой шаг, который может вызвать в сознании общества впечатление, что мученик ведет сложные политические маневры и занимается закусными интригами, наносит сильнейший урон его образу. *Мученик*, как и *традиционный монарх*, в значительной степени – раб своего образа. В известном смысле диапазон политического маневра для Лильберна был не более широк, чем для Карла I Стюарта. Но один из них (король) представлял разрушающуюся традицию власти, иерархически соподчиненной и не зависящей от общественного мнения, а другой (Лильберн) – новый вид реализации власти, полностью лишенной иерархического начала и неразрывно связанной с эмоционально-образным воздействием на общественное мнение.

В XVII в. Англия была не единственной страной, где происходивший напряженный творческий процесс переосмысления священных текстов привел к массовому стремлению к новым воплощениям мученической традиции в сочетании с переоценкой характера отношения верующего человека к государственной власти. Между русскими раскольниками и английскими пуританами лежит настоящая богословская пропасть, но, как и в Англии, в России XVII в. прошел настоящий церковный ураган, и значительный слой населения страны приступил к воплощению в реальную жизнь своего любимого образа – образа мученика. В России этот процесс сопровождался активным развитием информационных каналов, быстрым распространением целого корпуса биографических и автобиографических произведений, а также "открытых писем" вероучителей раскола, находящихся на грани перехода в новое качество – от оппозиционности по отношению к церковным властям к оппозиции по отношению к государству. Без стремительного развития информационного пространства терялся бы сам смысл демонстративного исполнения данных сюжетов – акты самоистязания не достигали бы своей аудитории.

Но, в отличие от Англии, в России весь пафос битвы за сохранение древнего благочестия вел русских раскольников к буквальному повторению судьбы древнехристианских мучеников. Они не *управляли обществом через осуществление актов самоистязания*, а *подавали людям пример мученической гибели*. Если для пуритан фигура монарха просто утрачивала свою сакральность, а он сам оказывался в роли обычного человека, узурпировавшего власть, которая должна зависеть от "народа Англии", то для русских раскольников царская фигура не потеряла своей сакральности, она лишь *сменила ее со знака плюс на минус*. "Помазанник божий" стал "антихристом". Это изменение не стимулировало попыток перевода темы российской мученической кампании второй половины XVII – начала XVIII в. в сферу государственного творчества, оно просто "переключало" отношение к монарху от священного восторга к мистическому ужасу.

Секуляризация образа мученика стала назревать в России лишь на рубеже XIX–XX вв., что было связано с серьезным кризисом традиционных институтов государ-

ственной власти и возбужденным состоянием общества, находившегося в ситуации напряженного идеологического поиска. Специфика русской культуры того времени проявлялась также в том, что революционная среда не стремилась предстать перед тем "народом", за счастье которого боролась, в привычных для него образах. И образ "гражданского святого" едва не состоялся в ходе революции 1905 г. не только вне всякой связи с революционным движением, но едва ли не против его воли. Это событие связано с личностью Г. Гапона – священника, оказавшегося в эпицентре начинающейся революции благодаря случайному стечению обстоятельств.

В судьбе этого человека поражает удивительная легкость приобретения такого влияния на петербургских рабочих, о котором ни одна революционная организация не могла даже мечтать. Ему достаточно было появиться в рясе среди рабочих и заговорить с ними доверительным искренним тоном, чтобы получить ошеломляющую поддержку и быстро создать легальную рабочую организацию, фактически профсоюз. Гапон играл евангельский образ без особых жертв со своей стороны – он всего-навсего посещал тюрьмы и цеха. Открыл чайную-читальню и организовал кассу взаимопомощи. Что было бы, если бы он пострадал от властей?

Настоящее политическое самоубийство Гапон совершил 9 января 1905 г., когда, приведя демонстрацию рабочих к Зимнему дворцу, где войска открыли огонь, предпочел бежать вместо того, чтобы добровольно сдаться властям и быть арестованным. Окажись Гапон в тюрьме, он в одно мгновение стал бы вождем революции, настоящим "гражданским святым". Любой суд над ним неизбежно превратился бы для российских властей в действительную катастрофу уже потому, что судить организатора мирной и фактически санкционированной демонстрации было не за что. Вместо этого Гапон сделал властям дорогой подарок – укрывшись в подворотне, снял рясу, остриг бороду и, взяв в руки револьвер, скрылся в сопровождении революционеров, чтобы при первом же удобном случае убежать еще дальше – за границу. Тем самым Гапон лишился силы политического влияния, которой располагал, вышел из образа и стал частным лицом. Более того, он сорвал начинавшуюся в России кампанию гражданского мученичества, построенную на демонстративном ненасилии. Что бы после этого ни предпринимал этот человек, он рассматривался как провокатор, виновный в массовой гибели поверивших ему рабочих.

Потенциально близок к роли гражданского святого в начале XX в. был Л. Толстой. Человек с колоссальным нравственным авторитетом в обществе, заставивший по-новому звучать христианские тексты, способный увлечь ими даже часть атеистически настроенной интеллигенции, обличитель произвола властей и официальной церкви, к тому же и отлученный от нее, Толстой мог бы, пожелай этого, стать настоящим символом борьбы против царского правительства. Однако он реально был слишком сложной и крупной фигурой, чтобы уместиться в узкие рамки прямолинейного образа мученика.

"Гражданское мученичество" в последние десятилетия предреволюционной истории России в "чистом" (пуританском) виде так и не состоялось, но *оно органичной составной частью вошло в образ террориста*. И именно с террористическим диалогом, который вели русские революционные организации и русское общество на рубеже XIX–XX вв. связано реальное воплощение черт мученика. Именно в России впервые в мировой истории *мученик и устрашитель* предстали в одном лице, создав наиболее грозное и опасное для психики общества устойчивое сочетание.

Терроризм и гражданское мученичество: историческая динамика

Ареной развития террористической кампании (кампания гражданского мученичества) может стать *любой* общественный организм при одновременном совпадении следующих обязательных условий: в обществе присутствует группа лиц, готовая ради реализации определенных идеологических установок обратиться к осуществлению актов террора (актам гражданского мученичества), а также существует единое

информационное пространство, обеспечивающее возможность оперативной и всеохватывающей трансляции террористических актов (актов гражданского мученичества).

Что касается первого условия, то необходимо отметить: люди, в силу любых обстоятельств потенциально способные к подобного рода действиям, могли существовать на протяжении всей обозримой истории человечества, то есть данное условие не имеет исторической отправной точки. Но далеко не во все исторические времена они имели возможность осуществлять трансляцию воплощаемых образов *террориста* или *мученика* до значительной аудитории. Именно второе условие означает, что террористические или мученические послания могут "дойти" до своего "получателя".

Высокая вероятность совпадения названных условий появляется для Европы с наступлением эпохи Великих революций (XVII в.), для стран Азии и Африки – приблизительно на рубеже XIX–XX вв. Таким образом, терроризм и гражданское мученичество – явления исторические, получившие качественное оформление в Новое и Новейшее время, претерпевшие к началу XXI в. необычайно сложную эволюцию. В динамике их развития можно выделить следующие основные этапы.

Предыстория явлений. На протяжении многих веков устрашение и демонстрация насилия были неотъемлемой функцией государственной власти. "Террор", пока еще не ставший уникальным явлением жизни общества, не обретший институционального обособления от иных способов реализации власти, не осмысленный методологически и теоретически, без специфических терминологии и символики, присутствует лишь там, где есть непосредственная *физическая, реально осязаемая сила*. Устрашение – прерогатива вождя (правителя, монарха), подавляющего народное восстание, уничтожающего политических соперников, завоевывающего соседние народы. Правитель не ставит задачи оправдания осуществляемых им демонстративных актов насилия перед традиционным обществом, ибо оно не имеет реального эмансипированного общественного мнения, надежных и не зависящих от государства информационных каналов, действенной, не зависимой от государственной (или церковной) иерархии правовой системы, то есть фактически не нуждается в этом оправдании.

Этап эпизодических проявлений (XVII–XVIII вв.). В ходе глубоких социокультурных и политических изменений на фоне кризисов традиционных систем организации власти и стремительного роста общественного самосознания в ряде стран Европы актуализировались укорененные в общественной психике и национальной культуре образы, оказавшиеся пригодными для принципиально новых способов управления социумами. Заставляя общество *узнавать* и заново переживать являемые ему в новом качестве знакомые сюжеты и образы, многократно усиливая их эмоциональное воздействие через провокацию насилия в отношении себя (вариант "гражданского мученичества") или подвергая насилию определенную часть общества (террористический вариант), лидеры оппозиционных движений резко обостряли ситуацию в стране, стремясь к осуществлению необратимых сдвигов в общественном мнении в нужную для себя сторону, расшатывали идеологические и символические основы необратимо дряхлеющей традиционной власти.

В ходе Английской революции XVII в. впервые в столь полной мере стал заметен назревавший на протяжении столетия европейской религиозной реформации процесс *секуляризации церковного образа мученика* и рождение современного гражданского мученичества. События Великой французской революции конца XVIII в. предъявили миру актуализированный античный образ *тираноборца*, карающего узурпаторов народных прав и свобод.

Грандиозные исторические потрясения, впервые показавшие миру новые способы реализации власти над тем или иным обществом, – европейская *религиозная реформация, английская и французская буржуазные революции, церковный раскол в России*, – заставляли общественные организмы жить в постоянно возбужденном, наэлектризованном состоянии. Скорость распространения информации в обществах, переживавших указанные события, и сила воздействия являемых обществу че-

рез информационные каналы сюжетов и образов многократно усиливались по сравнению с периодами относительного спокойствия и стабильности. Эта сила соответственно ослабевала по мере возвращения пережившего потрясение общества к "нормальному" повседневному существованию. С этим связан тот факт, что вплоть до второй половины XIX в. все яркие террористические и мученические кампании просматриваются *только* на фоне грандиозных социокультурных и политических потрясений.

Этап стабильного развития (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Единое информационное пространство распространяется первоначально на всю Европу, а затем и на весь мир, достигая определенной качественной зрелости. Эта зрелость выражается в неуклонном развитии, усложнении и интенсификации средств массовой информации, стремительном расширении круга людей, систематически к ним подключенных, становлении во многих странах внесловных, гласных, составительных и зачастую независимых от властей судов, способных превращаться в эффективную трибуну для подсудимых. Наконец, в формировании общественного мнения, независимого от воли правителей, и, более того, диктующего последним свою волю. С этого момента наступает эпоха террористических и мученических кампаний, способных развиваться вне ситуации глобальных катаклизмов. Появляются организации, осуществляющие осмысленные и последовательные долговременные террористические программы в разных странах, а также правозащитные "мученические" организации. В числе стран, достигших того уровня развития, который создает *стабильную возможность* одновременного существования условий, необходимых для террористических кампаний и кампаний гражданского мученичества, – Великобритания, Франция, Пруссия, а затем и единая Германская империя, Австро-Венгрия, Россия.

Темы кампаний, разворачивающихся в тот период в различных уголках сначала Европы, а затем и всего мира, разнообразны – стремление к революции (национального или мирового масштаба), борьба за национальную независимость, свободу слова и права человека в целом и стремление к равноправию полов. Различны и идеология "источников устрашения": анархизм и социализм, национализм, антиабсолютистские и буржуазно-демократические идеологии.

Этап универсализации (20-е гг. XX в. по настоящее время), характеризующийся интернационализацией, стремительным распространением терроризма по всему земному шару. Переживая бесконечные "мутации" со множеством разновидностей и промежуточных явлений, террористические и мученические кампании развиваются на фоне этнических, социальных, экономических, конфессиональных и других конфликтов. Происходит резкое ускорение динамики развития прежде всего террористических кампаний. Это объясняется, во-первых, неуклонным накоплением террористического опыта движениями, партиями, организациями, государствами, готовыми выступить в качестве источников устрашения; во-вторых, постепенным расширением круга национальных культур, в которых укоренились традиции положительной реакции на террористические проявления; в-третьих, все более ускоряющимся усовершенствованием каналов распространения информации, механизмов ее преподнесения и способов воздействия на общественное мнение.

Развитие терроризма на данном историческом этапе можно проследить по нескольким основным направлениям: государственному, оппозиционному и глобальному (межгосударственному), которые хотя и не охватывают всего многообразия террористических проявлений современности, тем не менее достаточно четко фиксируют их динамику.

"Государственное" направление. В ряде обществ террористические кампании выходят на уровень государственного терроризма, становясь неотъемлемой чертой внутренней (и/или внешней) политики тоталитарных режимов. Начиная с эпохи гражданской войны в России (1918–1921 гг.) террор активно используют для укрепления своей диктатуры большевики. В 30–50-х гг. XX в. он принимает невиданный

ранее в мировой истории размах, становясь едва ли не главной чертой государственно-политического строя в СССР.

Массированные государственно-террористические кампании протекали во многих странах мира: в нацистской Германии (1933–1945 гг.), в КНР (эпохи гражданской войны и "Культурной революции"), Кампучии (диктатура Пол Пота), КНДР (управление Ким Ир Сена), в Чили (при А. Пиночете), в Афганистане (власть талибов) и др. Разворачиваясь на глазах у всей планеты, совпадая с революциями и мировыми войнами, они негативно влияли не только на психику народов, непосредственно переживших государственно-террористические кампании, но и меняли менталитет человечества как целого организма, наделенного общим историческим опытом.

На протяжении нескольких лет, предшествовавших "демократическому" приходу НСДАП к власти в Германии, а также первых лет существования гитлеровского режима – периода становления тоталитарного типа государственности – немецкое общество и террористическая организация (НСДАП) находились в состоянии нарастающего и непрерывно стимулировавшегося обществом террористического диалога. Основные темы этой кампании: защита "униженного" национального достоинства немцев, борьба против "мировой европейско-коммунистической угрозы", стремление к объединению всех немцев в рамках единого политически и этнически однородного германского государства. Германское общество, подчиняясь источнику устрашения, стимулируя его все более возрастающую активность и агрессивность и, наконец, неуклонно *преобразуясь в новое качество*, к началу Второй мировой войны предстает перед миром уже не в качестве *жертвы*, а в качестве *консолидированного источника устрашения*. Интенсивную террористическую войну против целого ряда народов мира (в том числе евреев, цыган, белорусов, русских, поляков и т.д.) под флагом борьбы за уничтожение западных врагов "тысячелетнего рейха" и завоевания "жизненного пространства" вела уже не НСДАП, "захватившая" власть в Германии, но *новорожденная террористическая общность* – нацистская Германия.

Государственный терроризм по размаху, количеству непосредственных жертв насильственных действий, а также по психическим последствиям – одно из наиболее страшных явлений XX в. Вместе с тем динамика развития данного направления в современном терроризме вызывает осторожный оптимизм. Причина тому – явная схожесть исторических судеб тоталитарных режимов, являющихся основными источниками государственно-террористических кампаний. В конце XX в. отчетливо проявились географическая локализация, "мельчание" и постепенное вырождение тоталитарных режимов на политической карте мира, а также неуклонное усиление в самых разных странах эмоционального и идеологического негативизма по отношению к тоталитаризму как таковому. Можно предположить, что в XXI в. государственный терроризм имеет все шансы превратиться в сугубо историческое явление, что, однако, является, скорее, следствием определенной "мутации" современного терроризма, но не признаком его полного исчезновения.

"Оппозиционное" направление. Терроризм "оппозиционный" приобретает максимальный размах во второй половине XX в. Можно определить две его основные модели:

- "террористический диалог", в ходе которого источник устрашения стремится к внесению раскола между обществом и его политической элитой и выдвигает требования, выполнение которых является условием остановки террористических действий. Образ террориста носит компромиссный характер, выражающийся в категории культуры устрашаемого общества;

- "террористическая война на уничтожение", когда источник устрашения приговаривает терроризируемое общество к полному уничтожению, не выдвигая компромиссных условий. Образ террориста враждебен культуре устрашаемого социума.

Активный террористический диалог с обществом на протяжении многих десятилетий ведет Курдская рабочая партия, для которой десятилетия борьбы против турецких властей сопровождаются активной мученическо-террористической кампани-

ей, разворачивающейся по всей Европе. Примером "презентации" этой модели терроризма стала "буденновская" операция Ш. Басаева (1995 г.), содержавшая, помимо мощного устрашающего воздействия, тонко проработанную линию поведения в отношениях с прессой: квалифицируя проведенный террористический акт как вынужденный, массмедиа требовали принимать меры компромиссного характера. Подобных примеров вторая половина XX в. знает немало.

В состоянии "террористической войны на уничтожение", "священной войны" периодически оказываются представители религиозно-фундаменталистских и этнически окрашенных террористических организаций, практикующих акции, направленные против заведомо невинных мирных жителей иной конфессиональной или национальной принадлежности: Исламский джихад и хамас, Ирландская республиканская армия, хесболлах, Аум синрекё и т.д. К данной модели следует отнести акции чеченского полевого командира Радиева (террористическая война на уничтожение – по отношению к российскому обществу, террористический диалог – с народами Чечни и Дагестана) и организацию взрывов в Пятигорске, Каспийске, Буйнакске, в других городах Северного Кавказа, а также в Москве и Волгодонске. В последнее время относительно разрозненные прежде проявления модели "террористической войны на уничтожение" в странах исламского мира обрели большую организованность и размах в террористической деятельности У. бен Ладена, ставшего организатором грандиозной террористической акции 11 сентября 2001 г. в США.

Один из важных факторов неуклонного возрастания террористической активности источников устрашения, порожденных азиатским, африканским, латиноамериканским регионами, – совершившийся в целом к 60–70-м гг. XX в. выход из колониальной зависимости одних народов данных регионов и нарастающий кризис традиционных способов организации власти – других. Как это ни парадоксально, высокая активность источников устрашения в данных регионах – показатель зрелости долгое время "молчаливых" обществ. Модернизированная актуализация в деятельности источников устрашения эпизодов священных текстов и преданий, эпических фольклорных сюжетов и образов, особо почитаемых персонажей национального героического пантеона превратилась в способ резкого усиления авторитета и общественной значимости политических сил, выступающих в качестве источников устрашения.

"Глобальное" (межгосударственное) направление. Еще в ходе Второй мировой войны террористические кампании стали выходить на широкую международную арену. Из способа управления конкретным социумом террор превращался в явление мирового порядка. На этом уровне в качестве источников устрашения выступают целые государства (группы государств), пытающиеся управлять другими государствами (всем миром) посредством актов террора.

Модель "террористическая война на уничтожение" на глобальном уровне наиболее полно проявилась во внешней политике нацистской Германии. Сегодня потенциальную опасность в качестве источников устрашения в рамках модели "террористической войны на уничтожение" представляют государства, ощущающие себя единственными носителями того или иного варианта "единственно истинной" идеологии, переживающие мучительный идеологический, культурный и нравственный конфликт с окружающим их "испорченным" миром: "вооруженная" идеями чучхе КНДР, Исламская республика Иран.

Модель "террористический диалог" на уровне глобального террора впервые реально была представлена в августе 1945 г. в ядерных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Не имея ничего против мирных жителей японских городов и фактически не ставя целью бомбардировок нанесение военного поражения противнику, президент США Г. Трумэн дал приказ об их уничтожении, имея в виду превентивное устрашение возможного будущего противника – СССР. Разъяснение и оправдание этих действий содержалось в "доктрине сдерживания" Трумэна (1947 г.) и в знаменитой "Фултонской" речи У. Черчилля (март 1946 г.). В своем выступлении Черчилль впервые на весь мир объявил о допустимости использования ядерного оружия в ка-

честве "эффективного средства устрашения", окончательно закрепив тем самым превращение в массовом сознании бомбардировок Хиросимы и Нагасаки из военных операций против конкретного врага (милитаристской Японии) в террористический акт по отношению к врагу потенциальному (СССР). Таким образом, любое возможное в будущем применение ядерного оружия могло бы быть оправдано в качестве ужасной, но "вынужденной" меры самозащиты перед лицом коммунистической угрозы, как необходимый шаг для защиты демократических ценностей и свобод, прав человека во всем мире.

Силовой взаимоупор двух военных блоков (НАТО и "Варшавский договор"), возглавляемых взаимно устрашенными супердержавами (США и СССР), способствовал многолетнему перерыву в проведении крупных акций межгосударственного терроризма, надолго сделав его прерогативой стран "третьего мира", и породил определенную иллюзию развития международного права. Но с конца 80-х гг. XX в. акции превентивного устрашения не только возобновляются, но приобретают все более регулярный и антиправовой характер.

В настоящий момент можно говорить о дальнейшем стремительном развитии "опозиционных" террористических кампаний и террористических кампаний на межгосударственном, глобальном уровне. Схожие процессы количественного и качественного развития происходили в XX в. с кампаниями гражданского мученичества. Если первые акты гражданского мученичества (XVII–XIX вв.) в силу специфики данного рода кампаний – дело одиночек, то в XX в. возникают настоящие мученические организации. Сегодня подобного рода кампании чаще всего связаны с правозащитными и пацифистскими организациями, движением "зеленых" и т.д. В первой половине 1999 г. мир стал свидетелем полномасштабной террористической войны в Югославии, которая, помимо необычайно сложного террористического переплетения действий нескольких источников устрашения (интенсивное террористическое взаимодействие сербского и албанского анклавов Косова и массированная террористическая операция НАТО против Югославии), содержала грандиозную мученическую акцию – организованный массовый исход беженцев албанского населения Косова. Последнее событие – яркая эмоциональная апелляция к западному миру, актуализация авторитетного сюжета христианской культуры: исход евреев из Египта. Именно после этой впечатляющей демонстрации западное общественное мнение санкционировало террористические действия НАТО против "фараона".

На протяжении нескольких последних веков терроризм и гражданское мученичество как уникальные явления политической и социокультурной сфер жизни человечества неизменно оказывают существенное влияние на ход исторического процесса. К попыткам подчинить себе психику того или иного общества посредством искусственно спланированных актов демонстративного насилия неоднократно обращались сторонники самых разных идеологий – от радикалов всех мастей, религиозных, этнических, политических экстремистов до идеологически вполне "добропорядочных" защитников демократии и прав человека. Террористические кампании и кампании гражданского мученичества, никогда *не порождаясь* напрямую соответствующими общественными проблемами и никогда не приводя к их принципиальному разрешению, способствовали возникновению, становлению и развитию специфических этнокультурных традиций отношения различных обществ к данным способам управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Без адреса // "Революционная Россия". № 46. 1904. 5 мая.
Валуев П.А. Дневник. В 2 т. Т. 1. М., 1961.
Толмачев Е.П. Александр Второй и его время. В 2 т. Т. 2. М., 1998.
Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества // Лица. Вып. 3. М.–СПб., 1993.